

УДК 343.2

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS64398>

Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления, посягающие на денежную систему, в условиях цифровизации экономических отношений

© Д.А. Печегин

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Денежная (валютно-денежная) система представляет собой исторически сложившуюся модель организации валютно-денежного обращения и включает в себя национальную денежную единицу (законное платежное средство), виды денежных знаков, порядок их выпуска (эмиссии) и обращения. Данная модель фиксируется нормативно, поскольку является стержневым компонентом национальной экономики. При этом состояние ее защищенности составляет одну из основных стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области экономики. Достижение такой цели возможно посредством решения конкретных задач, связанных в том числе с профилактикой, предупреждением и предотвращением преступных и противоправных действий в анализируемой сфере.

В качестве ключевых составов преступлений, посягающих на валютно-денежную систему, в национальном уголовном законодательстве следует выделить легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем (статьи 174 и 174¹ УК РФ), фальшивомонетничество (статья 186 УК РФ), а также неправомерный оборот средств платежей (статья 187 УК РФ). Конструкции соответствующих составов преступлений подвержены трансформации в силу динамики происходящих в обществе и государстве преобразований, связанных с разработкой и внедрением цифровых финансовых технологий. Правовой вакуум новой сферы общественных отношений, ее соподчиненность, в первую очередь, алгоритмам и программам, с одной стороны, и бланкетный характер указанных норм уголовного законодательства, а также несовершенство процессуальных механизмов, которые ориентированы на регулирование «аналоговых», то есть не цифровых, общественных отношений, с другой, формируют барьеры правового воздействия. Статья посвящена анализу этих и иных проблем законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления, посягающие на денежную систему, в условиях цифровизации экономических отношений.

Ключевые слова: валютные преступления; цифровизация; криптовалюты; цифровые финансы; уголовная ответственность.

Как цитировать:

Печегин Д.А. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления, посягающие на денежную систему, в условиях цифровизации экономических отношений // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 1. С. 45–52. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS64398>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS64398>

Regulating Liability for Crimes Against Monetary Systems in the Context of Digitalized Economic Relations

© D.A. Pechegin

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ABSTRACT: A monetary system is a historically established model of organized monetary circulation that includes the national monetary unit (legal tender), the types of banknotes, and the order of their issue and circulation. This model is nominatively fixed, since it is a core component of the national economy. At the same time, the security of a monetary system is a primary strategic goal in the economy of a nation. The achievement of such a goal is possible by solving specific tasks related, inter alia, to the prevention of criminal actions in the analyzed area.

As key elements of crimes against the monetary system, national criminal legislation should highlight property obtained by criminal means, including laundering of funds (Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), counterfeiting (Article 186), and the illegal turnover of payment funds (Article 187). Given the dynamics of changes taking place in society and the state, the structures of criminal elements are likewise subject to transformation, especially with regard to the development of digital financial technologies.

The legal vacuum of the new sphere of public relations, its subordination to algorithms and programs on the one hand, and the blank nature of these norms of criminal law, on the other, as well as the imperfections of procedural mechanisms focused on regulating “analog” public relations, as opposed to digital, on the other, form barriers to legal influence. This article is devoted to the analysis of these and other problems of the legislative regulation of crimes that encroach upon the monetary system via digital economic relations.

Keywords: monetary crimes; digitalization; cryptocurrencies; digital finance; criminal liability.

To cite this article:

Pechegin DA. Regulating liability for crimes against monetary systems in the context of digitalized economic relations. *Russian journal of legal studies*. 2021;8(1):45–52. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS64398>

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, фальшивомонетничество и неправомерный оборот средств платежей нарушают должное функционирование национальной валютно-денежной системы посредством ее так называемого загрязнения не имеющими легальной основы экономическими благами, преимущественно денежными средствами [1, с. 106]. Данные виды противоправной деятельности признаются исследователями одними из основных «теневых» процессов и главных угроз банковского сектора наравне с коррупцией, ложным банкротством и киберпреступностью [2; 3, с. 12], особенно в условиях развития финансовых технологий и цифровизации экономических отношений.

«Финансовые технологии («финтех») и регулятивные технологии («регтех») являются новыми, динамично развивающимися явлениями общественной жизни как в России, так и во многих странах за рубежом» [4; 5, с. 47; 6; 7]. Однако их применение в силу самого устройства таких технологий позволяет сегодня обходить те границы и барьеры, которые заложены в законодательстве в связи с противодействием преступлениям экономической направленности [8]. В данном отношении представляется важным указать на проблемы, возникающие сегодня в сфере законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления, посягающие на денежную систему. Рассмотрим некоторые из них.

1. Несогласованность национального и международного уровней регулирования

Конструкция состава преступления, связанного с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, обусловлена значительным влиянием международного регулирования противодействия данному виду общественно опасного поведения. Среди всего множества таких актов ключевыми являются Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ¹, Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности², Конвенция против транснациональной организованной преступности³, Конвенция ООН против коррупции⁴, Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании

терроризма⁵, директивы Европейского союза⁶ и документы ФАТФ.

Данные международные акты, прежде всего, обращены к определению того, что составляет предмет преступления, который представляет собой любую экономическую выгоду, полученную или извлеченную, прямо или косвенно в результате совершения преступлений. Такой широкий подход к определению предмета преступления позволяет на международном уровне регламентировать конкретные меры противодействия данному виду общественно опасного поведения независимо от формы получения злоумышленником соответствующей выгоды, что эффективно в целях качественного устранения существующих и предотвращения возникновения новых рисков в условиях постоянно меняющегося характера угроз, в том числе в связи с развитием технологий. Например, соответствующие меры последовательно внедряются в Европейском Союзе на уровне обязательных для государств-членов Директив о противодействии отмыванию денежных средств.

В отличие от международного, национальное регулирование противодействия данному виду общественно опасного поведения объективно ограничено особенностями законодательства, причем не только в уголовно-правовой, но также гражданской, финансовой и иных сферах.

Предмет преступления согласно разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации (Постановление от 07.07.2015 № 32) составляют денежные средства или иное имущество, заведомо приобретенные лицами преступным путем, а равно полученные в качестве материального вознаграждения за совершенное преступление либо в качестве платы за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте. При этом под денежными средствами в соответствии с редакцией указанного Постановления от 26.02.2019 № 1 понимаются наличные денежные средства в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте, а также безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, под иным имуществом — движимое и недвижимое имущество, имущественные права, документарные и бездокументарные ценные бумаги, а также имущество, полученное в результате переработки имущества, приобретенного преступным путем или в результате совершения преступления (например, объект недвижимости, построенный из стройматериалов, приобретенных преступным путем).

⁵ Заключена в г. Варшаве 16.05.2005.

⁶ Например, Директива № 2015/849 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О предотвращении использования финансовой системы для целей отмывания денег или финансирования терроризма, об изменении Регламента (ЕС) 648/2012 Европейского Парламента и Совета ЕС и об отмене Директивы 2005/60/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС и Директивы 2006/70/ЕС Европейской Комиссии» (принята в г. Страсбурге 20.05.2015), Директивы ЕС о противодействии отмыванию денежных средств и др.

¹ Заключена в г. Вене 20.12.1988.

² Заключена в г. Страсбурге 08.11.1990.

³ Принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

⁴ Принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Такое разъяснение следует гражданско-правовой характеристике объектов гражданских прав. В соответствии со статьей 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Однако следует признать, что перечисленные в статье 128 ГК РФ объекты гражданских прав все же не дают полного представления о предмете анализируемого преступления.

Анализ законодательства о цифровых финансовых активах, национальной платежной системе, а также о валютном регулировании и валютном контроле не позволяет напрямую отнести к предмету рассматриваемого преступления так называемые зарубежные токены, криптовалюты, иные цифровые финансовые инструменты.

Однако в соответствии с рекомендациями ФАТФ криптовалюты являются разновидностью виртуальных денег, а именно представляют собой децентрализованные, конвертируемые, распределенные, основанные на математических принципах пиринговые виртуальные валюты с открытым исходным кодом, у которых нет центрального администратора и отсутствует централизованный контроль или надзор [9]. Сегодня функции денег могут выполнять не только деньги, обладающие платежной силой [10, с. 47], т.е. знаки, являющиеся законным платежным средством, но также и цифровые финансовые инструменты, а в будущем и иные денежные «суррогаты» [11] (например, квантовые «деньги»).

С экономической точки зрения цифровые финансовые инструменты являются не чем иным, как экономическим благом для своего обладателя, поскольку могут быть обменены на традиционные формы денег, приняты в качестве платежа в отдельных юрисдикциях, выполнять функцию хранения и пр. По этой причине уместным представляется утверждение о трансформации понятия «платежная сила», которое применительно к цифровым финансовым инструментам сегодня опосредуется не только легальными средствами, но и экономическими законами, а также свободной доброй волей участников цифровых операций [12], что подтверждает правомерность использования на международном уровне термина «экономическое благо» для выражения предмета преступления, связанного с легализацией (отмыванием) денежных средств.

Такие инструменты представляют выражение ценности для их обладателя и по этой причине на международном уровне являются экономическим благом, подпадающим под требования ПОД/ФТ/ФРОМУ. Таким образом признак предмета в контексте анализа особенностей конструкции состава преступления, связанного

с легализацией (отмыванием) денежных средств, выражается сегодня в большей степени экономическими (финансовыми) категориями (благами), облеченными, как правило, в правовую форму, что не учитывается на национальном уровне.

2. «Отсутствие» единства позиций (на примере фальшивомонетничества и неправомерного оборота средств платежей)

Обращение денег и ценных бумаг для целей квалификации содеянного по статье 186 УК РФ в науке уголовного права традиционно связывают с наличными деньгами, которые существуют в виде банкнот и монет [13], а также ценными бумагами в документарной форме [14]. Однако с развитием технологий отдельного внимания правомерно, как представляется, заслуживает вопрос о подделке безналичных, электронных и цифровых средств.

Большинство ученых, анализирующих проблему подделки таких средств, сходятся во мнении, что и безналичная, и электронная, и цифровая форма существования денежных знаков и ценностей в виде записей на счетах в информационных системах кредитных и финансовых организаций исключает их подделку [14; 15], поскольку субъект преступления воздействует на объект материального мира, напрямую поименованный в диспозиции соответствующей статьи [16] (посредством изготовления, хранения, перевозки).

Приведенные разъяснения, в целом, свидетельствуют в пользу материальности предмета анализируемого состава преступления. Данный вывод также подтверждается особенностями функционирования информационных систем, в которых учитываются записи о зачислении или списании средств.

Используемые в основе таких систем технологии исключают возможность придания электронным или цифровым записям свойства существенного сходства со средствами в безналичной или электронной либо цифровой формах, так как они не будут интегрированы в информационное пространство соответствующей системы в качестве поддельных. Этап валидации электронной (цифровой) записи позволяет с однозначностью определить, является ли запись подлинной. В случае подтверждения системой «сфальсифицированной» записи, таковая не становится поддельной, так как исключается возможность удостоверения данного факта действительности.

Между тем некоторые исследователи признают возможность подделки безналичных, электронных и, соответственно, цифровых средств [17, с. 41–45]. Обоснование данного тезиса ученые усматривают в законе, который выражает экономическую зависимость между товарной массой, уровнем цен и скоростью обращения. Так уравнение И. Фишера показывает, что экономика

равно подвергается колебаниям и кризисным потрясениям в зависимости от количества средств в обращении в сравнении с количеством произведенных товаров и услуг.

«Ввод в обращение неконтролируемых государством денежных средств как в наличной, так и в безналичной форме может повлечь нарушение баланса между количеством денег, находящихся в обращении, и совокупным объемом денежных средств, израсходованных в экономике государства в течение года, вызвав кризисную экономическую ситуацию и нарушив непосредственный объект ст. 186 УК РФ — отношения, сложившиеся в денежной системе России» [18, с. 118–119].

Непосредственный объект анализируемого состава преступления претерпевает негативные изменения не только в результате подделки наличных денежных средств, но и в случаях фальсификации безналичных, электронных или цифровых средств. Поэтому состав анализируемого преступления образуют не только частичная фальсификация денежных знаков или документов (ценностей), удостоверяющих имущественные права (переделка номинала, изменение номера, серии и других реквизитов), но и их несанкционированный выпуск (имитация) в полном объеме [19].

Представляется, что правыми в данном вопросе являются обе точки зрения. То обстоятельство, что информационная система не распознала в электронном либо цифровом образе «подделку», отнюдь не означает, что соответствующая запись таковой не является. В данном случае речь идет о том, что информационная система отождествила представленную на проверку запись с подлинным положением дел, но лишь по форме, а не содержанию. Точно таким же образом, как в случае, когда банкомат принимает фальшивую купюру в качестве подлинной и зачисляет ее номинал на счет злоумышленника. Если в последнем случае мы признаем наличие состава преступления фальшивомонетничества, а не мошенничества, как это имеет место в некоторых зарубежных юрисдикциях, считающих вероятным «обман» терминала приема/оплаты, то не следует отвергать с абсолютной уверенностью и вероятность фальшивомонетничества с безналичными, электронными либо цифровыми средствами. Действия, направленные на незаконный ввод в оборот таких электронных (цифровых) записей для целей сбыта и личного обогащения, возможны по причине несовершенства используемых в сфере финансов технологий и, следовательно, могут нанести вред непосредственному объекту преступления.

Данный тезис подтверждает пример с действиями швейцарской финансовой разведки FINMA. В 2017 г. FINMA закрыла несанкционированных поставщиков поддельной криптовалюты E-Coin и начала процедуру банкротства в отношении участвующих юридических лиц. Разработчики электронной монеты приняли несколько миллионов швейцарских франков на депозиты,

не имея необходимой банковской лицензии. Более года ассоциация QUID PRO QUO выпускала так называемые «электронные монеты» — поддельную криптовалюту, разработанную самой ассоциацией. Работая вместе с DIGITAL TRADING AG и Marcelco Group AG, ассоциация предоставила заинтересованным сторонам доступ к онлайн-платформе, на которой можно было торговать и передавать электронные монеты. Через эту платформу были приняты средства от нескольких сотен пользователей. С ее помощью юридические лица-поставщики управляли виртуальными счетами, отражающими их состояние как в сумме законных платежных средств, так и электронных монет. Такая деятельность в Швейцарии аналогична депозитному бизнесу банка и является незаконной, если компания не имеет соответствующей лицензии на финансовом рынке. В отличие от реальных криптовалют, которые хранятся в распределенных сетях и используют технологию блокчейн, электронные монеты полностью находились под контролем провайдеров и хранились локально на их серверах. Поставщики предполагали, что электронные монеты на 80 % будут обеспечены материальными активами, но фактический процент был существенно ниже. Более того, значительные транши E-Coin были выпущены без достаточной поддержки активов, что привело к постепенному размыванию системы E-Coin в ущерб инвесторам и, следовательно, финансовой системе⁷.

Аналогичная проблема отсутствия доктринального единства усматривается и при обращении к вопросу о возможности подделки электронных средств платежей. Большинство ученых согласны в том, что в этом случае следует говорить о признаке предназначения средств платежей для неправомерного оборота, а не об их поддельности. Однако данная позиция расходится с практикой. Поддельность электронных распоряжений о переводе денежных средств, согласно сложившейся судебной практике⁸, в силу особенностей функционирования информационных систем, предполагающих наличие комплекса мер по аутентификации тех или иных команд, *de facto* достижима. Это возможно в том случае, когда соответствующий электронный документ фиктивен по своему содержанию. Фиктивность

⁷ FINMA closes down coin providers and issues warning about fake cryptocurrencies. URL: <https://www.finma.ch/en/news/2017/09/20170919-mm-coin-anbieter/> (дата обращения: 31.03.2021).

⁸ См., например: приговор Советского районного суда г. Рязани по делу № 1-138/2018 от 14.08.2018 / Официальный интернет-сайт Советского районного суда г. Рязани. URL: <https://sovetsky-riz.sudrf.ru/> (дата обращения: 02.02.2020); приговор Первомайского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики по делу № 1-211/2017 от 06.06.2017 / Официальный интернет-сайт Первомайского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики. URL: <https://pervomayskiy-udm.sudrf.ru/> (дата обращения: 02.02.2020); приговор Кумертауского межрайонного суда Республики Башкортостан по делу № 1-278/2017 от 21.11.2017 / Официальный интернет-сайт Кумертауского межрайонного суда Республики Башкортостан. URL: <https://kumertauskiy--bkr.sudrf.ru/> (дата обращения: 02.02.2020).

при этом выражается в наличии ложных сведений в содержании самого документа, например при искажении данных о назначении платежа, а также указании ложных сведений об отправителе, когда само платежное распоряжение составлено в целях использования неуполномоченным лицом от имени другого лица.

3. Процессуальная неспособность обеспечения состояния защищенности валютно-денежной системы в новых условиях

Эффективность законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления, посягающие на валютно-денежную систему, в условиях цифровизации экономических отношений имманентно связана с арсеналом средств, доступных правоприменителю [20], в том числе процессуальных.

Несмотря на положительный опыт внедрения цифровых финансовых инструментов в гражданский оборот в конкретных юрисдикциях, все же заметим, что большинство решений, направленных на обеспечение защищенности новой сферы отношений, а следовательно, и финансовой системы, не являются правовыми с точки зрения их сущности, связанной с обеспечением безопасности техническими и организационными средствами (FinTech). Развитие современных технологий и их внедрение в общественную и государственную практику пока не сопровождается наличием инфраструктуры виртуального пространства, которая бы могла обеспечивать правовую защиту. Такая инфраструктура остается пока что лишь в реальном мире. Освещение улиц, камеры видеонаблюдения, полицейское патрулирование, наличие централизованных структур и систем, администраторам которых может быть адресовано властное предписание, система государственного принуждения и иные институты и средства в целом обеспечивают реализацию превенции. И если, к примеру, по какой-то причине касса в магазине неисправна, продавец сможет продать тот или иной товар или оказать услугу за наличные деньги, сделав в специальной книге запись и оформив чек вручную. В случае же, если при совершении сделки по вине банка не сработал банковский платежный инструмент и тому или иному гражданину в силу этого был причинен какой-либо ущерб, то он всегда может обратиться в этот банк, а также в суд и потребовать возмещения убытков.

В виртуальной же среде отсутствуют освещенные улицы и камеры видеонаблюдения, полицейские и добропорядочные граждане, которые могут прийти к виртуальной личности на помощь. Иными словами, та самая инфраструктура защиты прав практически отсутствует. Государство не имеет технологической возможности

каким-либо образом вмешаться без добровольного согласия со стороны виртуального сообщества в процессинг цифровых технологий и, прежде всего, криптовалют, так как в новой экосистеме отношений отсутствуют привычные лица, которым могут быть адресованы властные предписания, нет возможности возратить средства или приостановить транзакцию, а равно восстановить их в случае «потери» из-за технического сбоя, исполнить решение суда и пр.

Сложность противодействия совершению преступлений, посягающих на валютно-денежную систему, в новых условиях, в том числе посредством механизма законодательного совершенствования конструкции конкретных составов, заключена в их трансграничном и виртуальном характере. С процессуальной точки зрения данное обстоятельство требует обращения к положениям УПК РФ, связанным с деятельностью, направленной на международное сотрудничество. Однако анализ УПК РФ подтверждает отсутствие специальных процессуальных инструментов для эффективного производства по уголовным делам в сфере цифровых финансов. Нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие требования к порядку возбуждения уголовного дела, доказательствам, их сбору и хранению, наложению ареста на имущество и производству иных следственных действий, не приспособлены к цифровым реалиям, что препятствует эффективному выбору необходимого инструментария законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления, посягающие на денежную систему.

Таким образом правовой вакуум новой сферы общественных отношений, ее соподчиненность, в первую очередь, алгоритмам и программам, с одной стороны, и бланкетный характер проанализированных норм уголовного законодательства, а также несовершенство процессуальных механизмов, которые ориентированы на регулирование «аналоговых», то есть не цифровых, общественных отношений, с другой, формируют барьеры достижения должного уровня эффективности законодательной регламентации. Цифровое пространство пока так и оставлено без «инфраструктуры», которая может в режиме онлайн обеспечить превентивную функцию защиты виртуальных прав и свобод граждан, а также охраняемых уголовным законодательством общественных отношений.

Представляется, что более активное внедрение цифровых технологий в национальные финансовые системы возможно лишь при условии совершенствования конструкции составов преступлений, посягающих на денежную систему, выработки соответствующих виртуальных принципов и правил для субъектов сферы цифровых финансов, а также разработки эффективных процессуальных механизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филатова М.А. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, по законодательству России и Австрии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 208 с.
2. Кондрат Е.Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. М., 2014. 927 с.
3. Елизарова В.В. Влияние теневых процессов в банковской сфере на экономическую безопасность финансовой системы страны: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.10, 08.00.05. М., 2010. 162 с.
4. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. № 1. 2018. С. 85–102.
5. Поветкина Н.А., Леднева Ю.В. «Финтех» и «регтех»: границы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 46–67.
6. Stepanov O., Pechegin D. Legal View On The Introduction Of New Technologies // Russian Law Journal. 2018. Vol. 6. № 3. P. 149–171.
7. Кудратов М., Печегин Д.А. Перемещение активов и незаконный вывод капиталов: актуальные проблемы противодействия // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 101–111.
8. Кучеров И.И. Слагаемые финансовой безопасности и ее правовое обеспечение // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 69–79.
9. Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex russica. 2019. № 7. С. 130–140.
10. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства. М., 1998. 131 с.
11. Крылов О.М. Денежный суррогат как правовая категория // Административное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 41–49.
12. Кучина Я.О.оборот криптовалюты как объект преступления и доктринальные ошибки его восприятия // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 4. С. 118–127.
13. Финансовое право: учебник для бакалавров / Б.Г. Бадмаев, А.Р. Батяева, К.С. Бельский и др.; под ред. И.А. Цинделиани. 3-е изд. М.: Проспект, 2016. 656 с.
14. Яни П.С. Поддельная ценная бумага как предмет фальшивомонетничества // Законность. 2016. № 8. С. 25–29.
15. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб., 1999. 312 с.
16. Ясинов О.Ю. Уголовная ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг: фальшивомонетничество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 21 с.
17. Гаухман Л.Д. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. М. 1996. 290 с.
18. Петрянин А.В. Ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 221 с.
19. Калатоци Д.Г. Правовая ответственность в сфере денежного обращения // Финансовое право. 2020. № 11. С. 38–40.
20. Кашепов В.П. Преобразование институтов Общей части уголовного права посредством дополнительного законодательства // Журнал российского права. 2013. № 4. С. 5–15.

REFERENCES

1. Filatova MA. Criminal liability for the legalization (laundering) of money or other property obtained by criminal means, according to the legislation of Russia and Austria: dis. ... cand. jurid. Moscow, 2014. 208 p. (In Russ.)
2. Kondrat EN. Offenses in the financial sphere of Russia. Threats to financial security and Ways to counteract them. Moscow, 2014. 927 p. (In Russ.)
3. Elizarova VV. Influence of shadow processes in the banking sector on the economic security of the country's financial system: diss. ... candidate of economic sciences: 08.00.10, 08.00.05. Moscow, 2010. 162 p. (In Russ.)
4. Khabrieva TYa, Chernogor NN. Pravo v usloviyakh cifrovoi realnosti. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2018;(1):85–102. (In Russ.)
5. Povetkina NA, Ledneva YV. Fintekh and Redtekh: Boundaries of Legal Regulation. *Pravo. Journal of Higher School of Economics*. 2018;(2):46–67. (In Russ.)
6. Stepanov O, Pechegin D. Legal View On The Introduction Of New Technologies. *Russian Law Journal*. 2018;6(3):149–171.
7. Kudratov M, Pechegin DA. Transfer of assets and illegal withdrawal of capital: actual problems of counteraction. *Journal of Russian Law*. 2020;(1):101–111. (In Russ.)
8. Kucherov II. Elements of the Financial Security and its Legal Support. *Journal of Russian Law*. 2017;(6):69–79. (In Russ.)
9. Egorova MA, Efimova LG. The concept of cryptocurrencies in the context of improving Russian legislation. *Lex russica*. 2019;(7):130–140. (In Russ.)
10. Lunts LA. Money and monetary obligations. Moscow, 1998. 131 p. (In Russ.)
11. Krylov OM. Monetary surrogate as a legal category. *Administrative and municipal law*. 2019;(6):41–49. (In Russ.)
12. Kuchina YaO. Cryptocurrency turnover as an object of crime and doctrinal errors of its perception. *Actual problems of Russian law*. 2020;(4):118–127. (In Russ.)
13. Financial law: a textbook for bachelors / BG Badmaev, AR Batyaeva, KS Belsky, etc.; edited by IA Tsindeliani. 3rd ed., Moscow: Prospekt, 2016. 656 p. (In Russ.)
14. Yani PS. Fake security as a subject of counterfeiting. *Zakonnost'*. 2016;(8):25–29. (In Russ.)
15. Volzhenkin BV. Economic crimes. St. Petersburg, 1999. 312 p. (In Russ.)
16. Yasinov OYu. Criminal liability for the manufacture or sale of counterfeit money or securities: counterfeiting: autoref. dis. ... cand. jurid. Moscow, 2006. 21 p. (In Russ.)
17. Gaukhman LD. Criminal responsibility for crimes in the sphere of economy / LD Gaukhman, SV Maksimov. Moscow, 1996. 290 p. (In Russ.)

18. Petryanin AV. Responsibility for the manufacture or sale of counterfeit money or securities: diss. ... cand. jurid. nauk. Novgorod, 2003. 221 p. (In Russ.)

19. Kalatozi DG. Legal responsibility in the sphere of monetary circulation. *Financial Law*. 2020;(11):38–40. (In Russ.)

20. Kashepov VP. Transformation of the institutions of the General part of criminal law through additional legislation. *Journal of Russian law*. 2013;(4):5–15. (In Russ.)

ОБ АВТОРЕ

Денис Андреевич Печегин, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник; e-mail: crim5@izak.ru

AUTHOR INFORMATION

Denis A. Pechegin, PhD, senior researcher; e-mail: crim5@izak.ru